Жан-Бастьенн Досетт, известный в городе как Джон Бастин, а тем, кто знал его лучше, как просто Большой Джон Би, с удовольствием потянулся, от долгого, удовлетворенного, щелкающего челюстями зевка у него заслезились глаза, хотя суставы приятно хрустели.

Еще одна такая ночь, подумал он, и он всерьез задумается о том, чтобы бросить все и вернуться в Байю Пти-Гайю, охотиться на лягушек-быков, сосать раскаленную джамбалайю мамочки Эулали, плыть по болотам на пироге дяди Папита, готовить кукурузное пюре ликкер и никогда, никогда больше не открывать газет и не иметь телевизора; Бывали ночи, когда, насколько он понимал, Нью-Йорк был похож на шестидневного мертвого борова, и предыдущая ночь была одной из них.

Даже жизнь в бесплатном лофте в Вест-Виллидже иногда была недостаточной платой за некоторые сюрреалистические, экстремальные или просто чертовски дерьмовые вещи, которые вытворяли его клиенты.

Он крепко спал, мечтая о том, как в детстве ловил аллигаторов с Эдаром и Жан-Ноэлем, и потребовалось некоторое время, чтобы стук в дверь ворвался в его сон и разбудил его. Он сокрушенно посмотрел на часы, медленно вращающиеся на экране компьютера; черт, он проспал всего три часа. Кто, черт возьми, разбудил его в девять утра?

Постукивание усилилось, еще больше разжигая его ворчание по поводу пробуждения.

"Ладно, я иду, не ломайте эту чертову дверь!" - заорал он, спотыкаясь и спотыкаясь о свои ботинки, которые он снял, прежде чем рухнуть на кровать.

"Проклятые чертовы вещи...!" - ворчал он, прыгая и пиная их по разделенной перегородками спальной зоне широкого чердака, пока ковылял к двери. Кто бы там ни был, он не отставал ни на секунду, постоянно постукивая, что раздражало его еще больше.

"Да, да, я иду, потише, черт побери...!" - заорал он, дергая дверь, готовый дать в морду тому, кто стучал, но голос затих в горле, когда он увидел, кто там был.

"Эй, деревенщина, выглядишь ужасно!" - ухмыльнулась Джастин Пеллини, его симпатичная, эльфийская сводная сестра. Она была очень похожа на своего отца: у нее были его черные волосы и карие глаза, тонкий прямой нос и маленькие аккуратные ушки, но не неаполитанский цвет кожи; скорее, она унаследовала цвет лица их матери - "английской розы", ее тонкие дугообразные брови и полные улыбающиеся губы. У нее была такая же стройная, миниатюрная, подтянутая фигура, и она больше походила на первокурсницу колледжа, чем на пожилую замужнюю даму двадцати трех лет.

В глазах Джона она была прекраснее всего, что он когда-либо видел, и, как и каждый раз, когда он видел ее, его сердце быстро делало один-два оборота, прежде чем снова успокоиться; Каждый раз, когда он видел ее, в течение этих первых нескольких опасных секунд его воспоминания и подавленные чувства грозили подняться и задушить его, превращая его в беспорядочного, болтающего языком идиота, который смотрел на девушку, которую, как он

знал, с безнадежной, ужасной уверенностью, он любил и был влюблен, и любил, казалось, целую вечность, но никогда, никогда не мог иметь.

Джон корчился в виноватом отчаянии в укромных и глубочайших уголках своего сознания от осознания того, что он хочет чего-то настолько неправильного, настолько недостижимого, но он никогда не позволял себе даже намека на то, чтобы побеспокоить Жюстину, единственного человека в мире, которого он любил беззаветно и безнадежно.

Как это ни было трудно, ему все же удалось скрыть от нее одну вещь, спрятать эту боль в глубине души, где она никогда не могла быть обнаружена или заподозрена. Джастина была его младшей сестрой, ей было всего двадцать три года, но она уже пять лет была замужем, у нее был муж, и Джон уважал этот союз, даже если втайне считал Джанкарло Пеллини бессмысленной, пустой тратой кожи; закон и ее собственные обеты навсегда сделали ее недосягаемой, как бы он ни тосковал по ней.

Поэтому Джон сохранял спокойствие и держался от нее на расстоянии; ничего хорошего не могло получиться из таких отношений, о которых он не позволял себе даже фантазировать, как бы сильно он этого ни желал. Каким-то образом, когда она была рядом с ним, достаточно близко, чтобы касаться ее, чувствовать запах ее духов и слышать с мучительной ясностью каждый ее вздох, ему все же удавалось держать искушение на расстоянии вытянутой руки.

Но он все еще был заинтригован тем, что она может хотеть в это время утра, зная, сколько часов он работает.

"Привет и тебе, Миноу (Китти-Кэт), чего ты хочешь в это время дня, или ты пришла сюда, чтобы посмеяться надо мной?" Он улыбнулся, изображая свой акцент, зная, что это заставит ее улыбнуться, даже когда он подавил свои нахлынувшие чувства, не позволяя ни намека на свое внутреннее смятение показать в своих глазах или улыбке. У Джастин была прекрасная улыбка, она озаряла комнату, а когда она использовала ее на нем, Джон таял, как масло под паяльной лампой.

Джастин пристально посмотрела на своего старшего брата, заметив усталость в его глазах и общее помятое состояние.

"О боже, неужели я вытащила тебя из постели, Джонни? Прости, детка, я не подумал... Послушай, мы можем поговорить позже, просто поспи немного, милая, ты выглядишь просто ужасно!".

Джон улыбнулся и жестом пригласил ее в холл.

"Спасибо, принцесса, вы все тоже не так уж плохо выглядите! День, когда я слишком устал, чтобы разговаривать с младшей сестрой, это день, когда они уложили меня в постель с лопатой. Заходи, малышка, и расскажи мне, что у тебя на уме".

Джастин взяла его за руку и подвела к дивану, затем толкнула его в грудь, чтобы он сел.

"Посиди здесь, пока я принесу тебе кофе, похоже, он тебе нужен. Не двигайся, парень!" - улыбнулась она, подражая его акценту.

Джон усмехнулся про себя, слушая, как Джастин возится на кухне в северной части лофта, а затем улыбнулся в ответ, когда она вернулась к дивану.

"Кофе будет готов через пять. Когда ты собираешься обставить это место, деревенский парень?" - усмехнулась она, ткнув его в руку. Джон в ответ легонько толкнул ее в плечо, получив в ответ игривый шлепок по бицепсу.

"У меня есть все, что мне нужно, детка; у меня есть кровать, у меня есть диван, у меня есть холодильник, телевизор, компьютер, телефон, стереосистема; что еще мне нужно?".

Джастин критически огляделась вокруг.

"Это место размером с парковку, и ты живешь в самом центре; все остальное - просто огромное гулкое пространство. Оно так и просится, чтобы ты заполнил его, не знаю, может быть, вещами?"

Джон пальцем расчесал прядку эбеновых волос, убрав ее лицо в форме сердца.

"Ты всегда домохозяйка, детка, даже когда это не твой дом! Не беспокойтесь обо мне, милая, мне все нравится, как есть", - проговорил он, его преувеличенный акцент "старого доброго парня" вызвал на ее лице озорную улыбку.

"Ха! Если бы не я, ты бы спала под кучей листьев, как медведь или старый скунс. Теперь ты в большом городе, болотный мальчик; прими это!" - ухмылялась она, подкрепляя каждое слово тычком по его руке, заставляя его ухмыляться заново.

"Ай, ай, ай, ладно, ты все поняла, девочка, а теперь где кофе, который ты мне обещала?".

Джастин улыбнулась и пошла за кофе. Пока она звенела и звенела на камбузе, Джон откинулся назад, на его губах играла улыбка, когда память снова вернула его в то время, когда она родилась.

http://erolate.com/book/994/25232